ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА 19.11.2018 | Ангелина Давыдова

Медленно и неуверенно

Без стратегического понимания «зеленой повестки» промышленность России не экологизируется

Тема экологии сейчас крайне популярна в России: о ней говорят в правительстве, обсуждают в компаниях, выходят на митинги в регионах, пишут в СМИ и социальных сетях. При этом экологизация промышленности остается одним из самых актуальных вопросов, если посмотреть и на накопленный ранее (зачастую еще с советского времени) ущерб, и на создаваемое «вновь» негативное воздействие на окружающую среду. Крупнейшие загрязнители уже несколько лет как «взялись за зеленый ум», начали инвестировать в очистные сооружения, внедрять энерго- и ресурсоэффективные технологии, более ответственно подходить к утилизации отходов. Тем не менее процесс идет крайне медленно, заметно медленнее, чем этого хотелось бы сторонникам перевода России на «зеленые» рельсы развития. Причин тому несколько. Ключевые из них – кризис доверия и недостаток системного и стратегического видения и управления.

Год экологии в России (2017) плавно перекочевал в разрабатываемый и утверждаемый Национальный проект «Экология», предусматривающий модернизацию целого ряда производственных мощностей и инфраструктуры ЖКХ, в результате чего объемы выбросов в воздух, воду, почвы должны снизиться в несколько раз. «Проект предусматривает улучшение качества жизни более 27 млн россиян, создание 24 новых особо охраняемых природных территорий, позволит полностью обеспечить жителей страны качественной питьевой водой, очистить Волгу, Байкал и ряд других крупнейших водоемов, в несколько раз сократить загрязненность воздуха в российских промышленных центрах, завершить создание современной экологичной системы обращения с отходами. В проект также включена программа по переходу на принципы наилучших доступных технологий (НДТ)», сообщает Минприроды.

Параллельно с этим Министерство финансов планирует включить в налоговый кодекс новый экологический налог, который должен

будет заменить собой шесть различных платежей за негативное воздействие на окружающую среду. С начала следующего года должна заработать и реформа экологического регулирования, предполагающая разработку программ экологической модернизации и переход предприятий на наилучшие доступные технологии на фоне установки счетчиков автоматического учета выбросов. В случае если предприятие будет соответствовать новым стандартам, оно также будет освобождено от ряда платежей за выбросы загрязняющих веществ.

Реформы неплохо звучат в теории

На практике конкретная реализация этих реформ наталкивается на целый ряд сложностей, существенно тормозящих процесс. С одной стороны, представители бизнеса продолжают убеждать власти переносить сроки введения тех или иных требований или реформ, утверждая, что российские компании и без того находятся в непростой ситуации из-за международных санкций и международной обстановки. Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), объединяющий крупнейшие компании страны и обладающий сильной лоббистской силой, постоянно критикует и сдерживает многие новые начинания в области повышения требований к «озеленению» промышленного сектора, утверждая, что практически любые нововведения повысят административную и финансовую нагрузку на бизнес и в результате скажутся негативно на экономической ситуации и занятости в целом. Так, буквально недавно, представители РСПП вновь выступили в поддержку дальнейшей «доработки» реформы по переходу на НДТ, а также пересмотра списка крупнейших компаний-загрязнителей. Сами компании пишут в правительство письма, предлагая перенести сроки реализации природоохранных мероприятий, в том числе внедрения НДТ, из-за их попадания в санкционные списки или жалуются на слишком частые проверки Росприроднадзора. Примечательно, что изначально концепция перехода на НДТ и была задумана ради снижения административной нагрузки на бизнес, особенно в части проверок Росприроднадзора.

Большинство компаний воспринимает любые попытки изменить status quo как попытку собрать

В их словах есть доля лукавства, но есть и часть правды. Большинство компаний воспринимает любые попытки изменить status quo как попытку собрать дополнительные средства из бизнеса в «общий котел» федерального бюджета и заставить предприятия просто больше

дополнительные средства из бизнеса в «общий котел» федерального бюджета

платить непонятно за что, а не на решение конкретных проблем. Зачастую местные власти и в том числе проверяющие органы действительно выполняют функцию скорее сборщика податей (официального или неофициального характера) или срочного «сбора» средств у бизнеса для решения тех или иных «горящих» проблем (например, социальных), потому представители компаний не видят смысла в новых платежах. В результате вместо реальных действий по установке нового оборудования или снижения выбросов происходит уплата штрафов или «обход» проблемы другими способами вместо ее решения.

С другой стороны, сотрудники проверяющих органов (того же Росприроднадзора) в неформальных беседах жалуются на закрытость предприятий и практическую невозможность зафиксировать нарушения и призвать предприятия к ответственности. Обе стороны не доверяют друг другу и потому делают довольно много всего «для галочки» или «для прикрытия».

Доступ к целому ряду международных фондов и доноров для России из-за санкций закрыт, внутри же институты «зеленого» финансирования еще не созданы

Немало разговоров в России идет в последнее время и о недостатке средств на «зеленое» финансирование: доступ к целому ряду международных фондов и доноров для России из-за санкций закрыт, внутри же институты «зеленого» финансирования еще не созданы, довольно большая часть предприятий закредитована, «деньги» в России дорогие, ставки по кредитам крайне высоки – все это на фоне долгих сроков окупаемости любых «зеленых» инвестиций. Буквально в последние недели и Всемирный банк, и Экспертный совет по рынку долгосрочных инвестиций при Банке России выпустили свои рекомендации по развитию рынка «зеленых» финансов в стране. «Длинные» деньги по разумной ставке на проекты с долгой окупаемостью с целью экологизации промышленности компаниям нужны, однако не менее нужно и стратегическое и системное видение «зеленого» развития для России.

Нет стратегического понимания «зеленой повестки»

В ситуации, когда экологов и представителей локальных групп протестов до сих пор обвиняют в иностранном влиянии, а снижение потребления ископаемого топлива в мире называют «заговором» против России, стране крайне не хватает общего стратегического понимания «зеленой повестки». Каковы наши цели и ориентиры, зачем мы делаем то, что делаем, каковы инструменты, показатели эффективности, есть ли у нас план Б на случай, если тот или иной масштабный экологический проект не сработает, принимаются ли во внимание интересы всех заинтересованных сторон (а не только наиболее громких и сильных)? Пока же в условиях зачастую «ручного управления» большая часть экологических кризисов решается по принципу «взорвалось – обращаем внимание и срочно что-то делаем», а решения о закрытии производств или отмене инвестиционных проектов обычно принимаются после массовых народных протестов вместо того, чтобы использовать механизмы реального общественного участия и экологической экспертизы еще на стадии планирования или возникновения проблемы.

В условиях зачастую «ручного управления» большая часть экологических кризисов решается по принципу «взорвалось – обращаем внимание и срочно что-то делаем»

Показательный пример тому – недавний пожар на заводе «Электроцинк» во Владикавказе, вызвавший массовые общественные протесты, привлекшие внимание местных и федеральных властей, а также местных и общероссийских СМИ. Отметим, что работа предприятия подвергалась критике экологов на протяжении нескольких последних лет, но пока гром не грянул, высказывания «зеленых» слышали в основном они сами.

Кейс «Электроцинка», впрочем, поднимает вопрос о будущем работы крупных производств в непосредственной близости от крупных жилых районов. Особенностью советсткой индустриальной застройки и планирования новых промышленных городов являлся принцип близости кварталов проживания рабочих от производств. Ряд городов центральной России и других регионов (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург) полностью закрыли или вывели за пределы города предприятия, оказывающие воздействие на окружающую среду. Но не все регионы могут пойти по этому пути. Кроме того, некоторые промышленные процессы невозможно «экологизировать до нуля», полностью очистив все выбросы. А что делать в такой ситуации с промышленными городами

(преимущественно Урала и Сибири), где предприятия расположены в центре или непосредственной близости от жилых кварталов и продолжают загрязнять воздух, наносить непоправимый ущерб их жителям, но при этом являются крупнейшими налогоплательщиками региона, обеспечивая немало прямых и косвенных рабочих мест? Где открытая дискуссия об этих вопросах, где обсуждение со всеми затронутыми участниками до того, как проблема «взорвалась»?

Тут крайне важно упомянуть аспект отсутствия прозрачности и в общем-то не очень большое желание как хозяйствующих субъектов, так и зачастую местных властей раскрывать экологическую информацию. Их основная мотивация завязана на успешную отчетность и достижение показателей, а не на обнаружение, представление и решение конкретных проблем. Так, нередко загрязнители надеются, что любые нарушения, выбросы и сбросы могут быть «похоронены» под «грифом» локальных проблем или так или иначе «не всплывут» на поверхность. Кроме того, в силу борьбы с агентами империализма экологическая информация иногда становится даже более закрытой.

Процессы экологизации все-таки идут. Важную роль играют внешние рынки и требования глобальных партнеров, клиентов и инвесторов.

Тем не менее, несмотря на все сказанное выше, хочется также отметить, что процессы экологизации все-таки идут. Медленно, неустойчиво, зачастую исходя совсем не из «зеленой» мотивации, но продвигаются. Драйверов тому немало, и зачастую они не самые однозначные. Безусловно, важную роль играют внешние рынки и требования глобальных партнеров, клиентов и инвесторов. При этом, говоря о «внеших» мотиваторах, наиболее успешными оказываются не критика или прямое давление (которые чаще вызывают как раз отторжение, пробуждая к жизни дискурс об «иностранном влиянии» и «окружении врагами), а скорее новые стандарты, правила или требования на уровне сертификации или раскрытия данных.

Недавно я участвовала в оценке работ, представленных на конкурс отчетов об устойчивом развитии Green Frog Award, проводимом компанией Deloitte. Большая часть отчетов российских компаний не отличалась от их западных коллег, при этом в качестве мотивации для раскрытия нефинансовой отчетности, включения интересов и

влияния на заинтересованные стороны российские предприятия ссылались на требования международных фондовых площадок, рейтинговых агенств, а также прочих международных стандартов в области устойчивости. Если международный партнер российской компании начинает запрашивать информацию об экологическом и климатическом «следе» в том числе по всей цепочке поставок, углеродную отчетность, анализ влияния на местные сообщества, то рассказ об этом может начаться как вполне формальная история для отчета, но может развиться и во что-то большее, меняя видение, ценности и ежедневные практики не только топ-менеджмента, но и всех сотрудников в целом.

Среди прочих «агентов изменений» есть и разные государственные органы, все больше говорящие о «зеленых» темах, потихоньку реформирующие законодательство и продвигающие новые требования. Это также потребители, запрашивающие большую информацию и начинающие принимать те или иные потребительские выборы на ее основе, и низовая самоорганизация и протесты или спланированная лобби-работа и медиакампании местных групп, страдающих либо от негативных последствий выбросов тех или иных загрязняющих предприятий, либо потенциально опасающихся новых предположительно вредных производств. Не стоит забывать и о модернизации, исходя из экономических причин, которая в результате все-таки приводит и к ресурсоэффективности, и к снижению общего объема загрязнения.

Все эти факторы действуют, хотя и крайне медленно. Ключевыми задачами для масштабирования их результатов были бы создание инклюзивного общего видения «зеленого» развития со всеми заинтересованными сторонами, укрепление прозрачности, создание и тестирование «малых» решений, в том числе разнящихся по регионам с целью апробирования тех или иных инструментов регулирования, поддержка «зеленого» финансирования и многие другие. Важно отметить, что перспективы исключительно «зеленого развития» нельзя рассматривать в отрыве от общего политико-экономического контекста в стране, в том числе вопросов прозрачности, подотчетности, открытости, независимости судебной системы и медиа, реальной политической конкуренции, развития (или давления на) гражданское общество. Например, даже в условиях появления институтов «зеленого» финансирования отсутствие прозрачности вполне может превратить механизм в инструмент «гринвошинга».

Хорошая новость в том, что в России процесс «зеленой» модернизации все-таки объявлен. Менее хорошая новость в том, что

пока мы движемся медленно и неуверенно. С другой стороны, Россия тут не исключение из большого числа стран мира, также пробующих, тестирующих и учащихся на своих ошибках. Путь этот тернистый, но увлекательный.

Ангелина Давыдова

Ангелина Давыдова (Angelina Davydova) - экологический журналист, директор Бюро экологической информации, преподаватель СПБГУ и ИТМО, наблюдатель на переговорах ООН в области изменения климата с 2008 года, стипендиат программы The Humphrey Fellowship в Университете Дэвиса, Калифорния (2018-2019).